

Казачий хор

Осенью прошлого года мы не смогли с ним встретиться в Краснодаре. Как всегда, условились о встрече, но все сложилось непредвиденно и трагично. Словно вмешалась какая-то неведомая недобрая сила, расстроив все наши планы. Мы не столь часто с ним встречаемся, большей частью вот уже многие годы общаемся по телефону и переписываемся. Но как-то так складывается, что каждая встреча с этим удивительным, замечательным человеком — художественным руководителем Кубанского казачьего хора, композитором и фольклористом Виктором Гавриловичем Захарченко становится для меня в высшей мере знаменательной.

В тот сентябрьский день, приехав из станицы в Краснодар, я был удивлен и озадачен тем, что все машины шли по городу с зажженными фарами, сея вокруг напряженность и тревогу. Я сразу не мог и сообразить, что бы это значило. И, как убедился, не понимали происходящего и краснодарцы, ибо пожилая женщина обратилась ко мне с вопросом, тоже недоумевая от виденного. Потом уже я узнал, что тогдашний губернатор Н.Егоров, оказываясь, объявил вахту безопасного движения. И, как всегда бывает, когда решение принимается в не согласии с внутренними закономерностями жизни, а вопреки им, происходит нечто прямо противоположное тому, что декларируется и вроде бы ожидается. Так случилось и здесь, вышла опасная опасность... Прямой связи между такого рода борьбой за безопасность и тем, что случилось, вроде бы и нет, но как не помнить о том, что именно в эти дни на улице Краснодара был сбит машины один из лучших сыновей Кубани и России Виктор Гаврилович Захарченко... Что именно произошло, я узнал от него уже гораздо позже, несколько месяцев спустя, после того, как Кубанский казачий хор в середине июня с триумфальным успехом выступил в Москве, в Концертном зале имени П.И. Чайковского. Художественный руководитель управлял своим хором, находясь еще на костылях.

— В тот день, — начал Виктор Гаврилович свою исповедь, — я, как всегда, работал, писал «Пошли нам, Господи, терпенье...». Это на стихи С.Бехтеева из альбома Великой княжны Ольги Николаевны Романовой. Но тут пришел племянник и попросил съездить вместе с ним по житейским делам. Я собрался, своим сказал, что вернусь через полтора часа, и мы поехали. Решив дела, мы, собственно, уже возвращались домой. Надо было перейти улицу. Теперь я уже не помню, но, видимо, как всегда, осмотрелся. Ничто вроде не предвещало беды. Но вдруг ощущаю сильный удар. Когда после краткого провала сознания пришел в себя, увидел странную картину: слышу крики, вызывающие «скорую помощь», моя левая нога лежит почему-то в стороне. Странно, подумал я, почему она там... Хочу пошевелиться и не могу. Все вокруг в крови. Стекла от машины иссекали меня всего, и врачи потом в течение двух месяцев вынимали осколки из головы. Слышу, как меня куда-то уносят. Перед глазами пошли лица родных, близких, в сознании промелькнули какие-то важные соображения, и я понимаю, что это конец...

Виктор Захарченко, художественный руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора

ДЛЯ ВРАЗУМЛЕНИЯ...

Лит. Россия, — 1997 — 8 авг. — с. 12-13

Но с самого начала, когда это произошло и пока я был в сознании, я постоянно читал молитву. Основным, самым важным в этом несчастье для меня и явилось то, что я проверил крепость своей веры... Все эти дни и месяцы страшной боли, какую только можно уготовить смертному, все происходящее со мной и вокруг меня было исполнено какого-то особого, высокого смысла, и, как я потом убедился, анализируя его, не могло быть случайным.

Когда после двух дней комы я пришел в себя, то услышал молитвенное пение. Я подумал, что нахожусь в церкви, но почему-то не было икон. Открываю глаза и вижу свою дочку Вику. Она смотрит на меня и плачет. И я постепенно начинаю понимать, где я.

За это время я научился переносить все боли, какие только могут быть. Конечно, сравнивать те боли, которые были у меня в жизни ранее, с переносимыми теперь было невозможно. Эти боли — за пределами нормального восприятия. Я неожиданной боли боюсь, а потому меня надо предупредить, что будет боль, и тогда я все перенесу, а неожиданной боюсь. И все эти дни меня не оставляла молитва. Со мной были молитвенник, Евангелие, я читал Иисусову молитву, канон покаянный, все каноны.

Так сложилось, что перед операцией меня причастил батюшка. Мой товарищ Юрий Заводчиков пригласил ко мне батюшку. Причем они не знали о том, что операция перенесена и будет раньше. Здесь тоже было любопытное обстоятельство. Как они потом рассказали мне, несколько кварталов по городу они ехали полтора часа: то какая-то авария, то затор, то красный свет... Словно бес им мешал, не пуская ко мне... И все-таки они успели. И вот открывается дверь, входит батюшка и говорит, что я вас причащу. За ним уже каталку катят, чтобы везти меня на операцию. Он даже остановил ее и прикрыл дверь. Молитва была рядом, батюшка успел, и я вдруг почувствовал невероятную радость и облегчение. Даже подумал о том, что это, видно, несроста. Это и есть конец... Но происходящее уже не воспринималось столь трагически: что можем мы, смертные, коль пришел этот час, его надо встретить достойно. Дальше все будет без тебя, но что поделаешь...

Как я потом узнал, за меня молились в Троицкой церкви, Екатерининском соборе, в церкви Рождества Христова...

Операция прошла успешно. Я вроде бы начал уже выкарабкиваться. Похудел, правда, страшно. Но самое опасное, казалось, было уже позади, и я должен был идти на поправку. Я готов был песок есть, лишь бы только избавиться от этих болей. Как отмечали врачи, воля к жизни у меня была большая. Но однажды я проснулся ночью от страшной боли внутри. До утра еле дожид. Утром пришел профессор, Александр Михайлович, удивительный человек, и так спокойно, словно речь идет о чем-то малозначительном, говорит: «Виктор Гаврилович, обстоятельства складываются так, что в течение часа мы должны сделать вам операцию».

Все это столь подробно я рассказываю вовсе не для того, чтобы сообщить городу и миру о своих муках или вызвать сочувствие и жалость к себе. Дело в том, что это и есть самое важное, это и есть ответ на вопрос о том, что же произошло со мной и, возможно, происходит со

многими. Суть не в самих муках, а в том, что следует за ними. Я как-то посетовал нашему войсковому священнику отцу Сергию Овчинникову на то, что, видно, Бог наказывает меня за мои грехи, вот и посылает мне испытания. А он мне и говорит, что так Бог за грехи здесь, в земной жизни, не наказывает, за грехи ваши спросится там... А муки, болезни и скорби он посылает нам не за грехи, а для вразумления.

И когда я проанализировал всю свою жизнь, свою работу в хоре, ее методы, я понял, что крест свой я нес не так, как мог бы нести. И недостаточно работал над тем, что давалось мне легко, и учеников у меня еще нет, и преемника нет, такого, чтобы, случись что завтра, твое дело не оказалось порушенным, а было сохранено и понесено дальше. А тут нужен человек редкий, особый, не просто одаренный, но близкий тебе и по духу, и по вере. Иначе случись так, что тебя завтра не станет, и главное дело твоей жизни, чему отдал столько лет и трудов, окажется порушенным мгновенно из соображений меркантильных. А это ведь, действительно, главное дело моей

— Да, однажды я пережил прямо-таки стресс, который заставил меня всерьез задуматься и о судьбе хора, и о своем творчестве. Это было уже давно. Сложилось так, что я был в отъезде, когда у нас умер хорист Виктор Крохмаль, приехавший в свое время к нам с Украины. Отпевали его в Троицком храме. Священник полагал, что прославленные артисты подпоют «Вечную память», но оказалось, что они ее просто не знают. И вот я возвращаюсь, встречается меня священник отец Милий и говорит: «И это ваш прославленный хор? Если вы не можете спеть для своего товарища «Вечную память», о какой народности может идти речь?... Грош вам цена со всеми Америками, Австралиями и Португалиями, где вы гастролируете, вместе взятыми». Тогда впервые всерьез я и задумался о репертуаре хора.

— Часто выступаете в Краснодаре?

— Это очень интересный вопрос. Дело в том, что по практике народных хоров никто вам не скажет, сколько надо выступать у себя дома. Никакой системы здесь нет. Все решается как бы интуи-

тивно — давно не выступали, выступим. Но я задумался: одни и те же зрители к нам приходят или это каждый раз другие люди? И тогда мы решили поставить эксперимент. Решили давать концерты подряд до тех пор, пока будут брать билеты. И мы выдержали тридцать концертов и тем самым определили своего зрителя.

Логика подсказывала, что после этого надо обновить программу и снова продолжить выступления. Но оказалось не все так просто. В какой мере можно и нужно обновлять программу? Оказалось, что логика руководителя хора и логика зрителя не совпадают. Обновили программу, выступили, а зритель подходит и спрашивает: а почему не было такой-то и такой-то песни? Мы отвечаем, что мы обновили программу, то есть сделали ее лучше. Но ему эти наши соображения не нужны, и он уходит неудовлетворенный, ибо приходил услышать то, что знает и что ему дорого. В конце концов зритель возвращал нас к старому репертуару. Значит, можно единожды выработать программу и крутить ее без конца? Нет, и так нельзя. И тогда я открыл для себя закономерность соотношения старого и нового. И это, по всей видимости, относится не только к хору, но и к другим областям жизни. Я начал петь в церкви и наблюдать за Божественной литургией. Ведь церковная служба практически неизменна по своей структуре, но каждый раз она имеет какие-то особенности, чем-то отличается от предшествующей. То есть службы вроде бы одинаковые и в то же время разные, ведь сегодня она посвящена одному святому, завтра другому. И я открыл для себя мудрость и глубину церковной службы. Наши предки, оказывается, знали все проблемы нашей концертной жизни. И я понял, что программу хора надо строить по литургическому признаку.

— Виктор Гаврилович, в последнем выступлении хора заметны существенные коррективы в репертуаре. Теперь вы поете духовные песни, ими открываете концерт или завершаете его — «Многая лета»... Вопрос вовсе не в том, оправданно это или нет, а скорее в том, как вы пришли к этому.

— Свою творческую преемственность мы ведем от Войскового певческого хора, которому в этом году исполняется сто семьдесят пять лет. Когда начинаешь погружаться в нашу кубанскую историю, о многом начинаешь задумываться. Там были такие образованные, такие культурные люди, что в сравнении с ними начинаешь осознавать свое ничтожество. И не только такой выдающийся композитор и фольклорист, как Григорий Митрофанович Концевич, шестьдесят лет со дня гибели которого исполняется в этом году, но и многие другие. Г.Концевич же в культуре Кубани сыграл роль действительно выдающуюся. Он не только записал и издал песни Кубани, но и записал свыше двухсот народных песен и наигрышей Адыгеи. Это уникальное издание уже по сути готово, и оно действительно станет выражением дружбы и братства между нашими народами. А то мы часто говорим об интернационализме, подразумевая космополитизм, а там, где складывается чистая, настоящая ситуация, дальше заверений в дружбе дело не идет. Надеюсь, это издание будет осуществлено.

Итак, Войсковой хор был певческим, то есть он пел в церкви и находился при церкви. Пели все, что положено по церковным службам. И только позже, лет через пятьдесят, начали давать и светские концерты. Обычно первое отделение концерта составляла духовная музыка, второе — народные песни. Пели наши предшественники также классику. Войсковой певческий хор от церкви выходил на светский репертуар, сегодня мы по причине известных исторических обстоятельств совершаем как бы обратное движение — от светского репертуара — к духовному пению, а значит, и к вере.

— Вы как-то рассказывали мне, что такой переоценке репертуара способствовали какие-то житейские условия и даже конкретный случай.

— Виктор Гаврилович, очень интересно открытая вами закономерность, что концертная программа хора строится по литургическому признаку. Но, видимо, не только она, но и другие области нашей социальной жизни имеют такую духовную основу, внутреннюю закономерность, нарушение которой и приводит к тем несчастьям и бедам, на которые столь обильна наша история вплоть до наших дней...

— Безусловно, это так. Сегодня Россия переживает трагическое время. Тяжелейшие испытания в который раз легли на наше разоренное Отечество и многострадальный народ. И главное состоит в том, что подтачиваются те основы общества и государства, на которых от века и во всех землях они крепились. Резко падают национальные и духовно-нравственные традиционные устои, на которых держатся всякий народ и всякое государство. Делается все для духовного растления русского и других коренных народов России, для уничтожения нашей исторической памяти, православной веры и национального самосознания. Это ли не геноцид?..

— Может быть, и наше общество в целом уже переживает этот ответственный и неизбежный период вразумления?

— Во всей этой новой кутерьме, вновь затеянной в России, главную спасительную роль сыграют культура и духовность, вера и культура, традиционная народная

культура прежде всего. Видимо, мы приближаемся к этому вразумлению. Теперь уже по опыту своему знаю, что оно не обещает быть простым и легким. Настало время нашего духовного и этнического возрождения как единственной возможности национального спасения. Но, к сожалению, мы подчас еще находимся в плену старых, губительных стереотипов, не преодолев которые мы не выживем. Центральный из них — это отношение к культуре как к силе всего лишь служебной и вспомогательной, но не самостоятельной и главной, сердцевине нашего народного бытия.

— Вы имеете в виду прямо-таки сакраментальное о том, что нам «не до песенок», или сначала народ накормим, а потом уже и культурой займемся?..

— Мне десятки лет приходится ходить по самым высоким инстанциям — к первым секретарям, председателям исполкомов, губернаторам с предложениями по сохранению и возрождению народной культуры, традиционной культуры Кубани. Это были люди разных политических позиций и мировоззренческих пристрастий, но ответы их были на удивление одинаковыми: подождите, вот поднимем экономику, тогда и займемся культурой, а пока — не до песенок... То есть не до духа народного, то есть не до народа вообще. Но с кем же вы в таком случае будете поднимать вашу экономику? И для кого вы будете ее поднимать, если без культуры народ превращается в стадо... Я уверенно могу сказать, что если мы на нынешнем этапе не поймем всю губительность этой мировоззренческой ловушки и не преодолеем ее, то, действительно, просто погибнем.

Люди не могут жить бесконечно в мире извращенных и перевернутых ценностей. Никогда ни один герой народных песен не умирал за какие-то материальные блага. Для русского человека, для русской духовности материальные блага недостойны человеческой жизни и умирать за них кощунственно и грешно. В одной из песен поется: «Змогли диды, зумиють внуки живот за веру положить...». За веру, а не за колбасу. Нам же сегодня предлагают вполне серьезно молотить друг друга в криминальных разборках... И это в России, где духовные понятия всегда определяли смысл жизни. Совсем не хочу сказать, что материальные блага не нужны, но поставленные во главу угла как цель человеческого бытия, они так переворачивают жизнь, что она теряет всякий человеческий смысл. При этом не достигается и тот материальный интерес, в угоду которому это безобразное искажение духовной природы человека совершается. Поистине получается какой-то заколдованный круг.

Где же выход? А выход есть. И находится он там же, где, как говорили древние, и вход, то есть в наших духовных и культурных истоках. А нашими истоками кроме веры отцов является традиционная культура: народные праздники, обычаи, песни, обряды, ремесла — все, где проявляется неповторимое своеобразие человека. Как-то мне довелось видеть в Кельне собор, который строился семьсот лет. Не семьдесят, не сто, а семьсот... Он является как бы наглядным, материальным воплощением преемственности людей разных поколений, их неразрывности и единства. И там мне подумалось о том, что это уникальное сооружение, этот образ может быть разрушен по сути мгновенно. То есть строить, созидать намного сложнее, чем разрушать... У нас тоже есть подобный собор духовной крепости, православной веры, национального самосознания. Только выложен он не из камня, но от этого несколько не уменьшается его реальность. Народные песни, уходящие на всю глубину истории, являются для нас тоже подобным собором. Национальное самосознание и патриотизм во все времена и у всех без исключения народов были и остаются необходимым условием спасения нации от духовного и физического порабощения.

— Какие вам видятся практические шаги к тому, чтобы остановить наступление на национальное самосознание

народа, которое мы сегодня видим в самых бесцеремонных формах?

— Прежде всего нельзя допускать мировоззренческого искажения основополагающих понятий, и прежде всего веры. Такого экуменизма, как сейчас, Россия не знала еще никогда. Мне, к примеру, не хочется идти в храм, если там играют на виолончели, как это делает М. Ростропович. Это кощунство, которое трудно придумать. Разве наши выдающиеся музыканты играли в храмах, хотя и писали духовную музыку? Да нет, конечно, никто их туда не допускал, что вполне естественно. А виолончель вообще никогда в православном храме не звучала. Даже если ты внес пожертвование, это же не дает никакого права кощунствовать. Православный человек о своей жертве будет молчать. Это же равносильно, если бы я с баяном зашел в храм. Да, пред Богом все равны. Если ты человек действительно верующий, зайдя в храм и помолившись в уголочке как самый последний грешник, а не выдающийся музыкант.

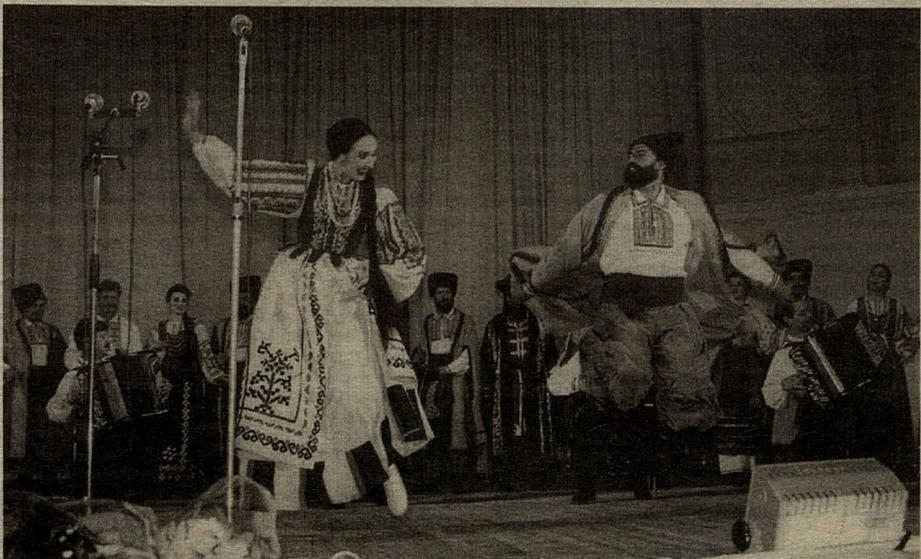
Или вокруг возрождающегося казачества столько уже накурлесили идеологические умельцы под лозунгом деидеологизации, что простому человеку уже совершенно невозможно разобраться. Защита Отечества и православия была главным смыслом казачества. Поэтому так важно сегодня казачеству не утратить этот духовный смысл своей жизни, хранить веру и заветы предков, верой и правдой служить своему, ныне поруганному Отечеству. Высшей духовно-нравственной иерархией для казаков всегда была вера. Именно за веру в первую очередь умирали казаки. Но у нас в общественном сознании все еще свирепствует силой навязываемая лукавая демагогия о веротерпимости, религиозном плюрализме, многоконфессиональности России. Да, действительно, среди казаков были, служили в казачьих войсках и мусульмане, и буддисты, и представители других вер. Но они именно служили в казачьих войсках, но казаками никогда не были. Согласитесь, что быть среди казаков и быть казаком — вещи разные... Здесь только калмыки составляют исключение. И чтобы хоть как-то «оправдать» эту идеологическую заморочку, навязывают предствление о казачестве лишь как о сословии, чем оно никогда не было... Но так бесцеремонно вмешиваться в жизнь людей, прикрываясь демагогией о правах человека, нельзя. Такие вещи и казаки, и вообще здравомыслящие люди России должны ведь различать.

Или, только скажи о национальном самосознании, тебе тут же напомним о том, что Россия — страна многонациональная, что у нас более ста национальностей и т.д. Ну и что? А разве любое другое государство сегодня не многонациональное? Где сегодня вы встретите этническую чистоту? Но было бы странно, если бы в Германии в первую очередь заботились о проживающих там французах, а во Франции — о немцах, в Израиле — о палестинцах... Нет, конечно. И ничего необычного и ненормального в этом нет. Так и должно быть. А в России, оказывается, так не должно быть. То есть надобна Россия, но без русского народа... Это ли не мировоззренческая экспансия и агрессия?..

То же самое и в области культуры. Здесь излюбленный прием создавать «альтернативные» структуры, как понятно, для уничтожения всякой организации культуры вообще. Если есть Союз писателей, создадим новый, альтернативный. Есть Кубанский хор, создадим в пику ему новый коллектив — «Казачью вольтницу», кстати, для подмены и размывания подлинного народного творчества. Успешно работает у нас Центр народной культуры Кубани — создадим параллельный, альтернативный и таким образом порушим уже существующий. Прimitивный прием, но, к сожалению, слишком уж часто срабатывает.

Беседу вел Петр ТКАЧЕНКО

КРАСНОДАР—МОСКВА

Задор и лихость никогда не убывают